

Город Чуйюнь расположен на юго-западной окраине государства Цзинью. Несмотря на удаленность и глушь, место это весьма примечательное.

В народе говорят: миновав Чуйюнь, попадешь в Юду, а там лишь один шаг отделяет путь бессмертных от дороги демонов.

Город находится всего в трехстах ли от барьера Цзюю, сдерживающего демонического бога. Люди издавна боятся демонов, поэтому даже наличие барьера не сделало здешние края многолюдными. Лишь когда в Юду случается неладное, в городе появляются adeпты сект, а в остальное время он пребывает в запустении.

— Но, А-Юань, здесь ведь очень много людей.

— Да, людей немало.

В последние дни в Юду беспокойно. Адепты бессмертных сект, призванные указом Шэньчжао для восстановления разломов, начали сходить в город на постой, отчего здесь стало заметно оживленнее.

Су Цинцзюэ равнодушно отпила вина.

Был полдень, в постоялом дворе Гуйцуй яблоку негде было упасть. Половые, сжимая в каждой руке по три чайника, сновали между столами. Изредка они останавливались, чтобы перекинуться парой слов с гостями — разговор неизменно сводился к событиям в Юду, а оттуда, слово за слово, перетекал к происшествию двухлетней давности, вызывая у собравшихся самые противоречивые толки.

— А-Юань, а кто такой этот Цзян Цзиньлан, о котором они говорят?

Су Цинцзюэ, державшая кувшин, на мгновение замерла, но тут же завершила движение, разливая вино, и ответила:

— Человек выдающийся.

На континенте Пяти Духов люди, демоны и екаи живут вперемешку. Тем, что человеческий род до сих пор не исчез, он обязан древним кланам, сохранившим кровь богов, и адептам бессмертных сект, спасающим мир.

Упомянутый в разговорах человек не только происходил из клана Цзян, чья родословная восходит к богам, но и состоял в секте Тяньянь — главе всех бессмертных путей. С таким статусом где бы ты ни оказался, на тебя всегда будут смотреть с почтением.

Даже если отбросить происхождение, она сумела выделиться среди талантливейших учеников великих сект во время похода в Юду и стать всеобщей любимицей — разумеется, не без причины.

По преданию, два года назад, во время того похода, Цзян Цзиньлан использовала божественный артефакт — меч Цаньшан, чтобы применить давно утраченное древнее искусство: барьер «Фэньцзи».

В пламени «Фэньцзи» сгорает всё сущее.

В тот день гора Цзюю внезапно вспыхнула золотисто-алым адским огнем. Огромные столбы пламени озарили темно-зеленый небосвод, и кое-кому даже почудился низкий гул божественного артефакта. Этот звук, глубокий и далекий, нес в себе сокрушительную мощь, поражая саму душу и унося жизни многих заклинателей. Позже очевидцы вспоминали тот день, говоря лишь о том, что адское пламя окрасило облака, словно на землю спустилось божество.

Божество — прародитель всего сущего, создатель пути небесного и всего живого. Сравнение смертного с божеством — высшая честь, и так как с того похода прошло всего два года, неудивительно, что люди до сих пор о нем судачат.

— Клан Цзян сотни лет был в упадке, и вот теперь, когда появилась Цзян Цзиньлан, они наконец-то подняли голову. Жаль только, что в прошлый поход в Юду старшая барышня клана Цзян получила тяжелые раны, и в этот раз не приехала. Истинная жалость!

В этот момент среди шепотков прозвучал звонкий голос. В нем сквозило сожаление, но тон отдавал нескрываемым злорадством.

Два года назад, запечатывая разлом мечом Цаньшан, Цзян Цзиньлан сама получила серьезные травмы, повредившие ее основу. Стать на путь совершенствования после такого крайне трудно. Люди испытывали к ней сочувствие и уважение, и мало кто осмеливался вот так глумиться. Собравшиеся недовольно обернулись на говорившего.

Перед ними предстал оборванный бродяга. Его одежда была перепачкана грязью и пылью, лицо — в черных и желтых пятнах, скрывавших истинный облик. Вид у него был жалкий, но он, подперев щеку рукой, с прищуром и ленцой сидел на табурете, даже не притронувшись к еде. В его позе читалась расслабленная небрежность. В глазах окружающих отражались презрение, неприязнь и задумчивость, но никто не решался ответить.

Половой, заметив это, поспешил к углу, где сидел бродяга, подлил ему чаю и подхватил тему:

— Кто бы спорил! Говорят, ее совершенствование сократилось наполовину... ох.

Мужчина хмыкнул, сменил руку, подпирающую подбородок, и его угольно-черное лицо, на котором ничего нельзя было разобрать, осветилось блеском глаз. Он протяжно вздохнул:

— Эх, такой талант в клане Цзян — редкая удача, а теперь такой урон, не стоит того.

Половой подмигнул и усмехнулся:

— Хоть совершенствование и пострадало, зато беда обернулась удачей: брак с императорским

домом! Если клан Цзян подарит двору императрицу, то какой статус, цы-цы-цы...

Союз с императорским домом — высшая честь, особенно для клана, который так долго пребывал в забвении.

— Императорский дом? Императрица?

Детский голосок внезапно прервал их. Су Цинцзюэ, сидевшая в углу и опустившая голову над вином, подняла взгляд на мальчика, сидевшего напротив.

Вид у ребенка был весьма примечательный: нежная, пухлая кожа, тонкие и изящные черты лица, а глаза, похожие на черные жемчужины, сияли чистотой, словно гладь прозрачного озера, в котором отражается безмятежное звездное небо.

Она щелкнула его по лбу:

— Слишком много вопросов. Еда не по вкусу?

Юй Люгуан отвел взгляд от ее пальцев и посмотрел на гору яств в своей чаше. Затем перевел взор на ту, что даже не взялась за палочки:

— А-Юань, ты ошиблась. Это не по твоему вкусу.

Су Цинцзюэ искоса взглянула на него:

— Еще одно слово, и я тебя брошу.

Эта фраза, по-видимому, имела большой вес. Мальчик моргнул и произнес:

— А-Юань, ты умеешь шутить.

После чего опустил голову и принялся за еду.

Девушку, которую звали Су Цинцзюэ, удовлетворил его послушный вид, и она больше не стала угрожать, вновь опустив взгляд в чарку.

Однако бродяга, казалось, вошел во вкус. Он поманил пальцем в сторону неприметного угла:

— Малыш, хочешь знать? Подойди, я расскажу.

Юй Люгуан тут же поднял голову. Он быстро взглянул на бродягу, а затем на девушку напротив. Его сияющий взгляд было трудно игнорировать.

Су Цинцзюэ проглотила вино и произнесла чуть громче обычного:

— Он не хочет знать.

Голос ее был ясным и приятным, выделяясь среди приглушенного шепота. Многие обернулись, но, увидев обладательницу голоса, тут же отвели глаза. Лишь бродяга не отвел взора, с интересом разглядывая странную пару.

У девушки был прекрасный голос, но лицо — совершенно обычное, серое, будто чистый лист бумаги. Если смотреть долго, становилось даже немного жутко. В то же время мальчик выглядел как юный господин из богатого знатного рода.

— Эй, с каких это пор слуги решают за хозяев? — бродяга не унимался.

Су Цинцзюэ действительно выглядела непримечательно, так что слова мужчины были вполне оправданы. Но он лишь дождался, пока его вопрос повиснет в воздухе, не получив ответа, и продолжил сам:

— Даже если брак с императорским домом, с чего ты взял, что она выйдет за наследника престола?

— Эй, — отозвался стоявший рядом половой, — такая выдающаяся личность — как она может выйти за кого-то другого?

— Мать государства всегда должна быть знатного происхождения и обладать высоким уровнем совершенствования. Цзян Цзиньлан выходит за третьего принца клана Сяо.

Как только эти слова прозвучали, шепотки стали громче. Мужчина отпил чаю, прищурил глаза, и выражение его лица стало многозначительным.

Половой с любопытством спросил:

— А кто такой этот третий принц? Никогда о нем не слышал.

Вне мира смертных стоят три великие секты, а внутри него — пять ветвей древних родов. Среди них клан Сяо из Хунду правит империей и государственными делами, а остальные четыре ветви живут по краям, окружая центр.

Путь человека — это путь государства. На землях Пяти Духов сила всегда была в почете. Будучи правителями, клан Сяо не только унаследовал кровь богов, но и обучался у самого основателя бессмертных сект.

Чтобы кровь не истощалась, с тех пор как клан Сяо основал государство, власть всегда переходила к сильнейшему.

Нынешние император и императрица имеют двоих детей, и никто никогда не слышал о третьем принце. Не только половой был озадачен, многие в постоянном дворе устали на бродягу.

Тот слегка улыбнулся и с нескрываемым злорадством произнес:

— Это хилый болезненный мальчишка, который недолго протянет. Его с самого детства отправили из дворца лечиться.

— А? — половой возмутился. — Тогда старшая барышня Цзян совсем несчастна.

Мужчина фыркнул с презрением:

— Какое там несчастье? Слышал, это клан Цзян навязывал этот брак. У них есть какая-то пилюля, способная вылечить того хлюпика, но сначала надо заключить брак, а потом...

Он не успел договорить, как в дверях появилась женщина в белом с закрытым вуалью лицом. Она указала на бродягу и холодно произнесла:

— Маленький попрошайка, что ты мелешь? Цзян Цзиньлан — гордая натура, как она могла согласиться на такое?

— Эй, гордость-то у нее есть, это правда. Но вот клан Цзян — это сплошная мягкотелость. И кости у них не такие уж крепкие, чтобы она одна могла их поддерживать. Боюсь, их давно уже стерли в порошок.

— Замолчи! — глаза женщины блеснули, и с кончиков пальцев сорвался серебряный блик, с невероятной скоростью устремившись к бродяге.

Тот вскрикнул и прыгнул на соседний пустой стол. Столешница оказалась скользкой, он с трудом удержал равновесие и, глядя на то место, где сидел, воскликнул:

— Игла «Разбитый лист»! Неудивительно, что ты так разозлилась. Оказывается, ты из псов клана Цзян? Что, правда глаза колет, и ты решила убить невинного?

— Какая еще игла «Разбитый лист»? Это игла «Ивовый лист», ослепла ты, собака! — женщина нахмурилась и холодно скомандовала: — Схватить его!

Двое других, сидевших с ней за столом, вскочили и окружили бродягу.

— Эй, убивают! Бессмертные убивают простого люда! — закричал бродяга, бросил половому серебряную монетку и, оттолкнувшись, пролетел над головами людей. Он двигался очень быстро, люди лишь почувствовали, как над ними промелькнула тень, а когда опомнились, он уже сидел на подоконнике.

Поскольку все присутствующие были заклинателями, тем двоим было неудобно нападать открыто, и им приходилось пробираться через столы.

Бродяга, невозмутимо наблюдая за ними, произнес:

— Раз согласились на такое дело, так нечего бояться правды, смех да и только! — он замолчал, опустил взгляд и встретился глазами с Юй Люгуаном. В мгновение ока он протянул руку, чтобы схватить ребенка, но не успел: палочка для еды, пущенная с силой, ударила его прямо в лицо, и он вылетел в окно вместе с ней.

— А-А-Юань, спаси его!

Они находились на втором этаже, падение с такой высоты не сулило ничего хорошего. Юй Люгуан вскочил и вытянул шею, глядя в окно. Снаружи сияло солнце, по дороге ходили редкие прохожие, но бродяги и след простыл. Он замер и посмотрел на ту, что продолжала невозмутимо пить вино:

— А-Юань, он исчез.

Су Цинцзюэ не ответила. Она лишь указала пальцем вниз:

— Пойдем?

Юй Люгуан покачал головой:

— Он, должно быть, улетел?

Су Цинцзюэ не опустила руку:

— Пойдем?

Юй Люгуан тут же сел, взял палочки и отправил еду в рот. Ответ был очевиден.

Су Цинцзюэ сжала пальцы в кулак, подержала его так перед собой и опустила руку.

Преследователи, увидев, что бродяга сбежал через окно, вернулись к женщине. Та с холодным блеском в глазах оглядела зал, тряхнула рукавом и бросила:

— Уходим.

Когда они ушли, в зале снова стало шумно. Слова бродяги стали главной темой для обсуждения.

Су Цинцзюэ слушала их и спросила:

— Почему он хотел схватить тебя?

Юй Люгуан не ответил сразу, проглотил кусок и сказал:

— Они сказали, что я — заложник. Если похитить, можно обменять на серебро.

Он сидел прямо, вел себя сдержанно, в каждом его жесте чувствовалось воспитание. С такими манерами немудрено, что кто-то решил им воспользоваться.

— Значит, тот бродяга — разбойник, — Су Цинцзюэ посмотрела на него. — Но у тебя нет серебра.

— Зато у А-Юань есть, — Юй Люгуан пристально посмотрел на нее. — Если меня похитят, А-Юань придет меня спасать?

Су Цинцзюэ нахмурилась и без колебаний ответила:

— Нет.

Юй Люгуан, словно ожидавший этого, спокойно заметил:

— Ничего страшного, главное, чтобы меня не похитили.

Су Цинцзюэ кивнула, поманила полового и, когда тот подошел, протянула ему несколько золотых крупинок.

— Сухой паек и лошади готовы?

Полет на мече — начальный навык заклинателей, а те, кто пользуется лошадьми, — люди из мира смертных, которые всегда падки на золото и серебро. Половой не был исключением и расплылся в улыбке:

— Сейчас узнаю, прошу госпожу подождать минутку.

Юй Люгуан, проводив полового взглядом, повернулся к Су Цинцзюэ:

— А-Юань, он очень счастлив.

Су Цинцзюэ достала из рукава круглую золотую бусину:

— Они любят это. Тебе хочется?

Юй Люгуан кивнул. Она протянула ему бусину.

Мальчик взял ее, перекатывая в нежной ладони, немного подержал, покачал головой и сказал:

— Странно. Тот человек был так счастлив, а я ничего не чувствую.

Ты — дух меча, как ты можешь чувствовать то же, что и человек?

Су Цинцзюэ отпила еще вина.

Мальчик перед ней, Юй Люгуан, не был человеком. Он был духом, порожденным сознанием божественного артефакта.

Слухи гласят, что божественные артефакты выковываются из небесного камня Тяньган. Они служат хозяину, перенимают его характер, и со временем в них зарождается дух. Их мощь способна раскалывать горы и поворачивать реки вспять, но после падения богов об этих артефактах позабыли.

Спустя тысячи лет в мире появились те, кто мог управлять артефактами, но никто не мог пробудить их дух. Записей об этом почти не осталось.

Известно, что у нынешних владельцев артефактов — императорского клана Сяо, секты Тяньянь и клана екаев Чуньху — нет сведений о рождении духа меча.

Беда не в том, что ты слаб, а в том, что у тебя есть сокровище. Кем бы ни был Юй Люгуан, он связан с артефактом, а значит, для нее он — сплошная обуза. К тому же, сам он смутно помнит свое происхождение.

Времена нынче беспокойные, как можно таскать с собой такой груз?

После того как она вышла из массива перемещения, она выбросила ножны. Но в тот момент, когда они коснулись земли, из них брызнул бело-золотой свет. Когда он рассеялся, на месте ножен возник мальчик, который поднял их с земли и медленно подошел к Су Цинцзюэ.

— А-Юань.

Знакомый голос вывел ее из оцепенения. Су Цинцзюэ чувствовала себя растерянно.

Дух меча рождается вместе с ним, они — единое целое. Само лезвие давно стало проводником для барьера «Фэньцзи», и у нее остались лишь ножны, которые и защитили ее в том пламени. Этот детский голос сопровождал ее два года, но теперь он принадлежал ребенку.

Воплощенный дух меча отличался от холодного артефакта. Ему не нужно было лезвие или ножны, он следовал за ней повсюду.

Он был вежлив в речах, сдержан в манерах, ел трижды в день и спал по ночам — во всем походил на человека, но в вопросах человеческих чувств оставался сущим ребенком.

Су Цинцзюэ тихо вздохнула:

— У людей разные желания. Тот половой хлопочет ради денег и счастлив, получив их. А чего хочешь ты?

Юй Люгуан поднял на нее взгляд, словно серьезно задумался, и его изящные брови сошлись на переносице.

Они долго смотрели друг на друга, затем он моргнул, и в его глазах промелькнул

божественный свет:

— Я хочу, чтобы А-Юань меня не бросала.

Всю дорогу его поведение заставляло ее теряться. Она часто угрожала ему этим, не думая, что он примет это близко к сердцу. Су Цинцзюэ ответила с каменным лицом:

— Почему?

— Когда А-Юань нет рядом, мне грустно, — серьезно ответил Юй Люгуан.

— А если я рядом, тебе не грустно?

Мальчик серьезно кивнул:

— Когда А-Юань рядом, я счастлив, — он протянул ей золотую бусину: — А чего хочет А-Юань?

— Не зови меня А-Юань.

Су Цинцзюэ вложила бусину ему в ладонь.

Имя, которым он ее звал, не было ее детским прозвищем — это было первое, что пришло ему в голову, когда они познакомились. Кто выдержит такое нелепое имя? Она пыталась заставить его сменить его, но этот упрямый дух меча ни на шаг не отступал, несмотря на все угрозы и уговоры. Зачем нужен такой непослушный дух?

Юй Люгуан погладил бусину, явно недовольный ответом:

— Если не звать А-Юань, я не счастлив.

— А если зовешь — я не счастлива, — отрезала она. — Разве ты не должен следовать воле хозяина?

Юй Люгуан посмотрел на нее и искренне сказал:

— А-Юань, я не чувствую твоей воли.

Су Цинцзюэ поджала губы. Верно, дух меча не связан с ней кровной клятвой, и это главная причина, по которой она хочет от него избавиться.

Юй Люгуан, увидев, что она расстроена, добавил:

— Ничего страшного, главное, чтобы А-Юань чувствовала мою волю.

Какая воля может быть у духа меча? Су Цинцзюэ спросила:

— И какова же твоя воля?

Юй Люгуан поднял брови:

— Хочу, чтобы А-Юань выбирала добрый путь и следовала зову сердца.

Его слова всегда были лишены смысла, и она уже привыкла к этому. Но когда одно и то же слышишь постоянно, невольно начинаешь раздражаться. Она сменила тему:

— Наелся?

Юй Люгуан кивнул.

Они вместе спустились вниз. Половой, получив золото, постарался на славу, и все было готово.

Су Цинцзюэ взяла поводья и, обернувшись, увидела Юй Люгуана, стоящего перед лошадью. Маленький, он едва доходил до колена животного, и с любопытством разглядывал его, словно диковинку. Она вскочила в седло, наклонилась и, подхватив его, посадила перед собой.

— А-Юань, я раньше ездил верхом, — Юй Люгуан погладил лошадиную гриву и обернулся к ней.

Черные как шелк волосы, сияющие как звезды глаза, невинное лицо — он был похож на искусную фарфоровую статуэтку, не знавшую страстей и мирской суеты, но полную любопытства ко всему вокруг.

Су Цинцзюэ привыкла к его внезапным вопросам. Если начать расспрашивать, он все равно ничего не объяснит. Поскольку сама она никогда не ездила на лошади, все ее внимание было приковано к животному, поэтому она лишь рассеянно кивнула:

— Сиди смирно.

Она хлестнула поводьями, лошадь тихо заржала, и они, подняв облако пыли, устремились на юг под лучами заходящего солнца.

<http://bllate.org/book/22455/2361140>